

О НАПАСТВОВАНИИ ПРОТОПОПА АВВАКУМА 1).

О напаствованиі і теріѣниі новыхъ страдалецъ священнопротопопа Аввакума, священнопротопопа Никвѣора, священноіерѣя Лазаря і інокѣ Епифанія, и како Лазарю со Енноаннемъ языки отрѣзаны и въ заточеніе посланы.

Лѣта 7172-го году августа въ 24 день сославъ былъ въ Пустозерской острогъ протопопъ Аввакумъ, и во 174-мъ году марта въ 1 день привезли съ Мезени къ Москвѣ, марта въ 9 день послали подъ началъ въ Паөнутневъ монастырь и держали на чѣши. Тогоже лѣта мѣи въ 13 день привезли изъ монастыря и преклинали і остригли, мая же въ 15 день послали въ Угрѣшеской монастырь съ полуголовою и со стрелцами. І во 175-мъ году сентября въ 5 день взяли съ Угрѣши и перевезли въ Паөнутневъ монастырь и держали скована, сентября въ 12-й день ѣздилъ въ Паөнутневъ дьяконъ вдовой уговаривать и привозилъ выписки въ тетрагѣхъ отъ властей изъ пушкарей Василей Васильевъ. Тотъ же дьяконъ приѣзжалъ генваря въ 30 день отъ Павла и отъ Лариона і приходилъ къ нему пѣить ночью, хотѣлъ извести сво. Декабря въ 4 день приѣзжалъ съ Москвы агументъ Паөнутневской Парѣней и морилъ сво три дни і въ студеной тюрьмѣ держалъ сво. Апрелья въ 30 день привезли изъ Паөнутнева къ Москвѣ и держали скована. Мая въ 3 день ѣмали къ Чудовъ монастырь по приказу государеву архимаритъ чудовской Иоакимъ да Спаса изъ Ярославля Сергій Волкъ уговаривали и прѣшали его. Тогоже мѣсяца въ 11 день по государеву указу і вселенскихъ патриарховъ тѣже архимариты ѣмали уговаривать же. Іюня въ 17 день ѣмали на соборъ сребролюбныя патриархи въ крестовую соблажнѣти і отъ вѣры отврѣщати и, уговаривая, не одолѣли: послали на Воробьевы горы, преданъ вонномъ полуголовѣ да тридцатимъ стрелцомъ, твердо стрелцѣ заповѣданъ. ІІ того же мѣсяца въ 26 день посланъ отъ царя дьякъ конюшенного приказу Тимоѣей Семеновъ да старецъ Григорий Нероновъ уговаривать же. Въ 30 день персезли во Андрѣевской монастырь на Конюшенной дворѣ. Іюля въ 4 день по указу цареву приѣзжалъ отъ тайныхъ дѣлъ дьякъ Дементей Баш-

1) Изъ раскольничьего сборника XVII вѣка.

маковъ уговаривати и въ 20 день перевезли на Угрѣшу къ Николѣ чудотворцу; а въ 22 день приѣзжалъ голова Юрьи Лутохинъ уговаривати же по государеву указу. Со Аввакумомъ же и инии 4 страдалцы: Никиѳоръ протопопъ, Лазарь перей, Епифаннъ инокъ, Феодоръ дяконъ. И, яко не возмогоша прелстити ихъ, двема повелѣша, срамоты ради своея, языки урѣзати: Лазарю до вилокъ языкъ отрѣзаша, Епифанню такожь, августа въ 27 день. И егда Лазарю языкъ вырезали, явился ему пророкъ божия Илия и повелѣ ему о истиннѣ свидѣтельствовати. Онъ же, выплюнувъ кровь изъ рта, и начатъ глаголати ясно и чисто. Но прежде убо, егда провождаху ихъ, коегождо разными необычными съ Москвы дорогами,—у Лазаря, яко глаголють, рука десная вся отъ языка обогрѣна кровию, онъ же благословляше люди, егда его везоша около Москвы въ Казужския ворота, черезъ реку, по Даниловскому мосту, по за Симонову монастырю и Спаса Нового монастыря и Андронникова по за слободамъ, по полямъ, зъ дороги на дорогу перенимаяся, якоже кто есть не благо, паче зло сотворилъ,—укрываяся, бѣгаетъ. Доправився на Переяславку по Троицкой дороге, въ Братовщино всѣхъ направили кромѣ Феодора, иже подъ церковню въ Богоявленскомъ вселенъ есть. Лазарь же, егда достигъ Аввакума и братию его, улыкаяся сказывалъ имъ свою побѣду и коварство ихъ мучительское: какъ ихъ казнили, и что имъ выговоръ былъ: «были, де, двѣ плахи да два топора и, посадя на скамьи, языки наши вырезали; но ничто,—рече,—насъ отлучить отъ любви христовы.» У Лазаря кровь единымъ временемъ вся и много истече; у Епифаннажь не по многу доволны дни капаше. Сего ради не ядше пребывая, молящися, яко Епифаннъ не глаголетъ, плакахуся, Богу тако изволившу. Аввакумъ писаше къ своимъ: «Азъ, грѣшныи Аввакумъ, не сподобихся такового дара: поплакавъ надъ ними, перещеловавъ ихъ кровавыя уста, благодаривъ Бога, яко сподобихся видѣти мученики въ наша лѣта и зѣло утѣшихся радостию великою о неизглаголемѣчъ дарѣ, яко Лазарь свѣтло глаголаше и яко отцы и братия моя пострадали Христа ради и церкви ради. Хорошо такъ и добръ запечатлѣли со' исповѣданнемъ кровию церковную истину! Благословель Богъ, изволивый тако! Ну, свѣты! молитѣ о насъ, а мы, елико можемъ, о васъ. По семъ отъ насъ вамъ миръ и благословенне и мученики вамъ, миръ давъ и благословенне, челомъ быють. Егда сию грамоту писалъ, въ то время старецъ ко мнѣ прислалъ изъ иныя избы стрелца съ радостию: «Не кручиняся, деі, обо мнѣ: и мнѣ, де, дала языкъ пресвятая Богородица; говорю, де, и азъ благодатною божиею.» И я, Аввакумъ, збродилъ къ нему самъ вѣтащяся. И егда въ избу къ нему иду, и онъ ясно возопилъ: «Слава Отцу»

Сыну і Свѣтому Духу» и прочая, тако ясно во услышанне всѣмъ, якоже и прежде. Азъ же возрадовахся, начелъ *достойно* говорить. Онъ же у меня перехватилъ со усердиемъ великимъ и тако кончалъ отпустъ. И порадовахся; говоря кое что, разодохомся; сказывая мнѣ, какъ проглаголахъ и какъ его казнили: «Мнѣ, де, образъ пречистыя Богородицы и мыслию помыслилъ, чтобъ мнѣ глаголати и держати о имени Ісусъ Христовѣ; таже мнѣ отверзла уста и языкъ даде и учалъ говорить ясно.» А до того я у него былъ, онъ же мнѣ ничто не моглъ промолвити, токмо, запечатлѣвъ уста, седѣлъ весь слезенъ: кровию оба изошла, понеже жилы вырезаны. О великое божие милосердіе! не вѣмъ, что рещи, но токмо: *Господи помилуй*. И Дамаскину Иоанну по трехъ днехъ рука приросла, а новымъ связъ мученикамъ христовымъ Лазарю въ той же день языкъ Богъ даровалъ, а старцу во второй день.» Доздѣ Аббакумъ.

Притиженіе. Вы же, христіолюбцы, судите: Прощали снѣ страдалцы суда праведнаго о церковныхъ догматѣхъ, чтобъ всѣмъ собраномъ быти расточеннымъ со всѣхъ странъ и судитися съ еретикомъ Никономъ, или свѣтки написавъ или книгу старую и новую положивъ къ которому чудотворцу въ раку, постъ людемъ заповѣдавъ, молити Бога, да явитъ знаменіе и помилуетъ люди и раздоръ утигитъ. Но любители новыхъ сего не восхотѣша сотворити, ослѣпи бо ихъ злоба ихъ; или огнемъ искусити писаніе, но ни сего помыслиша отнюдъ суетномудренні архіерее, бояшеса сеоса ихъ плотской мудрости не твердой, начелъ рещи — бѣсовской. Но ругахуса окляніи, глаголюще: «Что родъ сей знаменіи проситъ? Аще дастся ему знаменіе въ послѣднихъ лѣтахъ сихъ?» Се Христосъ далъ есть знаменіе рабы своимъ — вѣрнымъ на подверженію, невѣрнымъ же ваяъ на обличеніе; не мало знаменіе — до плоти языкомъ вырѣзаномъ свѣтло глаголати. Но еще и чудитъ творитъ Богъ знаменіи, обличая вашу злобу и жестосердіе: челоуѣку бо нѣкому отъ Никоновой ереси наченшейся дважды отрѣзанъ языкъ за церковь христову, — и до днесь свѣтло глаголетъ, обличая ны, якоже предтеча Ионаъ Прода; имя же челоуѣку тому — Стефанъ, по прозвищу Черной, а седѣлъ дьякомъ въ Нижнемъ. Женѣ же нѣкоторой, Пустиниимеленѣ, чудотворецъ Пгнатіи Вологоцкой разслабленной и саспой исцѣлѣннѣ гѣла и свѣтъ очию даровалъ и заповѣдалъ ваяъ лукавое свое наченіе еретическое оставити, яко непотребно и недостойно: повелъ новой да старой служебники положить въ руку Алексію митрополиту: «ужь, де, людъ безъ причестіи, какъ есть скоть, гинеть.» Сего являючися ей засвидѣтельствоваше. И государь благочестивой ужь тому *другое* лѣто какъ ваяъ отдавъ на соборъ челоубитную и до сего

времени ни отказу, ни приказу, христову же рабу саму третью за приставомъ морите голодною смертию и мразомъ. О лицеѣврства вашего! охъ увы мучительству вашему! Который градъ или страну не зацеписте? Или которую пустыню не исполните крови? или село? или погостъ? Горы бо и дубравы і дебри и холми плача исполните, убиваючи чада свѣтлообразная церковная. Благовременно убо псаломски рещи по истинну о сплцевыхъ: *«Положиша трупия рабъ твоихъ зѣпремь земнымъ и пролиша кровь ихъ, яко воду, окрестъ вселенныя и не бѣ погребалы.»* И быхомъ поношение соедомъ нашимъ зѣло и страхъ знасимъ, яко по двухъ и третнѣ уже Римъ падаеть начазными, ополчиша бо ся на истинну, уготоваша стрѣлы въ тулѣ сострѣляти убога и нища, заклати правыя сердцемъ, сынове Ееремли, наляцающе и спѣюще луки: не сохраниша заповѣта божия и въ законъ Его не изволиша ходити и забыша благодѣянии его и чудесь Его, ихъже яви имъ предъ отцы ихъ, — аже сотвори чудеса въ земли гречестѣйше и русьстѣй неісповѣдимаже и неизслѣдома, и напита ихъ отъ тука пшенична і вина и елеса. И яде и улы утолствъ и разшири и остави Бога отецъ своихъ и не вѣрова і не упова на спасеніе Его і не вѣроваша чудесемъ Его и исчезоша въ суетѣ днне ихъ и лѣта ихъ, со тшаниемъ въ пьянствѣ і въ козногласнѣ неподобномъ и непреподобномъ, мусикпикомъ и арганскомъ согласнѣ, отъ Бога удаленомъ и отъ святыхъ возненавидѣномъ: возлюбиша бо Бога усты своими и языкомъ своимъ солгаша Ему: сердце ихъ не бѣ право съ нимъ, ни увѣришася въ заповѣте Его и отвратишася и отвергошася, превратишася въ лукъ развращень. Сего ради удержа ихъ гордыни до конца; одѣяшася неправдою и нечестиемъ своимъ. Изыдетъ, яко исъ тука, неправда ихъ; прендоша въ любовь сердца, помыслиша и глаголаша въ лукавствѣ неправду, въ высоту глаголаша, положиша на небеси уста своя, и языкъ ихъ преиде по земли. Вскую шаташася языци и людие поучишася тшетнымъ? Предсташа царие земствіи и князи собращася акупѣ.

О приѣзде страдалцовъ наки къ Москвѣ. Июля въ 5 день привезли въ ночи отъ Николы съ Угрѣшии и приѣзжали 3 архимарита 2-жды уговаривать и въ 8 день приѣздалъ въ ночи Дементей Башмаковъ уговариватиже. И въ 10 день въ ночи приѣздалъ Артамонъ да архимаритъ уговариватиже; тогожь дни имали въ Чудовъ монастырь прелшати і уговаривати митрополитъ Крутицкой Павелъ да архиепископъ Гизанской Паряонъ, і въ 11 день приѣздалъ архимаритъ чюловской. И августа въ 22 день и въ 24 день Артемонъ былъ отъ царя съ епѣлосовомъ съ Симеономъ черницею и зѣло было стязанно много: разошлись яко пьяни; не могъ и поѣсть послѣ крику. Старецъ

миѣ говорилъ: «Острота, острота тѣлеснаго ума да лихо упрямство; а се не умѣетъ науки.» И я въ то время плюнулъ, глаголя: «Сердить я есмь на диявола, воюющаго въ васъ, понеже со дияволомъ исповѣдуши едину вѣру и глаголеши, яко Христосъ царствуетъ несовершенно; равно со дияволомъ и со Еллиимъ исповедуеши во своей вѣре. И Артемонъ, говоря много, учить грозить смертию; і я говорилъ: «Смерть—мужу покой есть, и смерть грѣхохъ опова; не грозь ми смертию; не боюсь тѣлеснаго смерти, но развѣ грѣховныя». И пакы подпадетъ лестию и, пошедь, спросилъ: «Что, старъ, сказать государю?» І я ему: «Скажи ему миръ и спасение и тѣлесное здравие». А въ 22 день одинъ былъ; такъ говорилъ ни гче отъ царя со слезами, а мною приграживалъ, и я въ тѣ поры сѣбяюся. И много того было: много и Богъ посрамилъ отъ нашей худости, да что съ ними дѣлаешъ? А пошедь Артемонъ одинъ, кланяется низеко и прощается умилно въ правду; Аввакумъ же говорилъ: «Ты ищешъ въ словопрѣниі высокіе науки, а я прошу у Христа моего поклонани слезами, и миѣ кое обшение? яко свѣту со тмою или Христу съ Велиаромъ!» І ему стыдно стало і противъ тово въсквозъ зубогъ молвилъ: «Намъ, де, съ тобою не сообщно.»
